

Ю. АЙХЕНВАЛЬД.

Володя и Митя

О Володе, в рассказе, носящем именно это заглавие, поведал нам Чехов, что он семнадцатилетний юноша, не выдержав сознания своей пошлости и пошлости той женщины, которая подарила ему свои ласки, — не выдержал и застрелился. То не чистое, что в него проникло, наполнило его острым стыдом, — еще более острым, чем то физическое наслаждение, которое он испытал от женщины и которое мгновенно исчезло, оставив после себя горький осадок отвращения и разочарования.

Володя понимал, что пошлостью и стыдом не ограничивается живая действительность: он видел солнечный свет и слышал звуки свирели; солнце и свирель говорили ему, что «где-то на этом свете есть жизнь чистая, наявная, поэтическая... — но где она?» Володе вспомнился Биарриц, где он когда-то жил, и две девочки-англичанки, с которыми он бегал там по песку.

И те же девочки, олицетворение всего чистого и прекрасного, чему он, оскверненный, изменил, вероятно, пронесли в его угасавшем воображении, когда он спустил курок револьвера и полетел в какую-то «очень темную, глубокую пропасть».

Это — Чехов о Володе.

А Бунин только что рассказывал об его сверстнике Мите. В двух последних книжках журнала «Современный Записки» напечатан его роман «Митина любовь». И читая о Мите, вспоминаешь Володю.

Митя тоже любил — любил Катю, ученицу театральной школы, и будущая актриса, любимица директора, уже отравленная ядом сценической пошлости, от вела ему взаимностью, но как-то странно и неполно: будто для другого берегла она себя, и в юную любовь вторглось нечто нечистое. Перед сдержанным изображением это оттенка нечистоты не останавливается автор: не

только то описывает он, как перламутровое колено и девственную грудь девушки целовал Митя, но и то, как первую любовь юноши сразили и оскорбили неожиданно опытные и развращенные прикосновения Кати; и вообще — «они с Катей еще не переступили последней близости, хотя позволяли себе в те часы, когда оставались одни, слишком многое».

И любовь Митя своею черной тенью покрывало то «чудовище с зелеными глазами», в страшном виде которого представлял себе Шекспир ревность. Митина ревность из многих чувств состояла, и самое ужасное из них было, что те самые проявления страсти, которые были так блаженны и сладостны, были выше и прекраснее всего на свете. В применении к ним, Мите и Катю, — они же казались и становились неслыханно мерзкими и даже противоестественными, когда Митя думал о Кате и о другом мужчине. «Тогда Катя возбуждала в нем острую ненависть и отвращение, отвращение даже телесное».

В истинной любви телесное нераздельно сливается с душев-

ным. В истинной любви уже одно не отличаешь от другого. Как давно выразился Михайловский, любовь имеет физиологические корни и психологические цветы. Одна из трагедий любви начинается там, где происходит разлука и разобщение между физиологией и психологией.

Так было в случае с Володей, так было и в случае с Митей.

Измученный своей странной любовью, Митя решил, наконец, дать себе отдых и уехал в деревню. Его напутствовал приятель Протасов, человек трезвого и положительного образа мыслей; тоскующего Митю утешал он: «пора бы понять, что Катя есть, прежде всего, типичнейшее женское естество и что сам полнейший мастер ничего с ним не поделает... Свет не лыком шит, не кляном на Кате сошелся».

В деревне, где не получались от Кати письма, где душу гнетло и томил ее молчание, где изнывало его крепкое молодое тело, так именно и произошло, что кляня Катю Митя попробовал вышибить кляном Аленку, другой женщиной. «податливой крестьянки», свою любовь отдавшей юноше за пять рублей.

Неумолимо рисует Бунин сцену этой элементарной, этой грубой любви — и то, как «Митя поднялся совершенно пораженный разочарованием и то, как Алена, «перекрывая платок, поправляя волосы, спросила оживленным шепотом, уже как близкий человек, как любовница: «вы, говорят, в Субботино ездите; там поп дешево поросят продает; правда?»

Под удивительным пером Бунина все это принимает такой вид, что становится почти страшно; и переход от объятий к разговору о поросятах, выдержанный в тонах самого убедительного реализма, самого непоколебимого правдоподобия, и все, что этому переходу предшествовало, и самый образ молодой крестьянки — все это способно дребезги разбить романтику и любовь вообще. «Митина легенда о любви, все это способно в иных глазах совершенно уничтожить обаяние Ромео и Джульетты».

«Митина любовь» компрометирует любовь, соблазняет к втягиванию в любовь.

Но ведь присягались Володе две девочки-англичанки, с кото-

рыми он бегал по морскому песку Биаррица, те чистые девочки, которые вместе с солнечным светом и свирелью, в общей симфонии света и звука, говорят о том, что есть же где-то «жизнь чистая, наявная, поэтическая... где она? Да, где она?...

Этой поэтической жизнью не дано было жить чеховскому Володе; и ею же не дано было жить бунинскому Мите. После своей любви с Аленкой на сырой соломе в шалаше, он получил, наконец письмо от Кати — какое письмо... «Не поминайте лихом, забудьте все, что было! Я дурная, я гадкая, испорченная, я недостойна вас, но я безусловно люблю искусство! Я решилась, жребий брошен, я уезжаю — вы знаете с кем... Не пишите мне ничего, это бесполезно».

Митя в самом деле знал, с кем она уезжает: с директором театральной школы, самодовольным бритым актером, который, как было известно, развращал своих учениц и каждое лето увозил какую-нибудь с собою на Капри, в Финландию, за границу.

И с необычайной художествен-

ной смелостью, оказываясь тем победителем, которого не судят, воспроизводит перед нами Бунин то кошмарное, то противное, которое ошеломило, которое пригрезилось его герою, от письма Кати, от всего пережитого, впадшему в летаргическое оцепенение. В спутанности сна — кто это, Катя, Аленка? Эта молодая женщина в шелковой желтой нижней юбке, с обнаженными плечами и обнаженной милой голубой грудью? И в комнату — входит господин в смокинге, с безкровным бритым лицом; и голыми руками охватила его шею молодая женщина, и бритый господин снисходительно обнял ее за талию...

Когда очнулся Митя, весь в поту, с потрясающе ясным сознанием, что он погиб, что в мире чудовище и безнадежно и мрачно, то всего нестерпимее и ужаснее показалось ему именно эта «чудовищная противоположность» человеческого соединения с женщиной: как будто он только что с бритым господином разделал это соединение...

И понял Митя, что неминуемо скоро; но ниже склоняешь голову ему и Кате их презренный брак перед лицом ранними жертвами обманчивой любви — перед Володей и Митей...

своей невыносимой боли и от того самого ужасного и отвратительного из всех земных снов, какой он только что видел — он понял это, отодвинул ящик ночного столика, «поймал холодный и тяжелый ком револьвера и, глубоко и радостно вздохнув, раскрыл рот и с силой, с наслаждением выстрелил».

Так два больших писателя, Чехов и Бунин, показали нам две сходные карьеры, начертали облики двух юношей-самоубийц. После Чехова с новой силой заставляет Бунин задуматься над роковой задачей любви и над такой же роковой разобщенностью, над несолидарностью тела и души. И Катя с ее «порочной опытностью», и к той же опытности, приобщившиеся недавно невинные Володя и Митя — никто из них не выдержал испытания, какое людям предвещает любовь. Но Катя, развращенная, будет жить; Володя и Митя предпочли умереть: кто же выбрал из них долю благую? Всем троим — наша жалость и И понял Митя, что неминуемо скоро; но ниже склоняешь голову ему и Кате их презренный брак перед лицом ранними жертвами обманчивой любви — перед Володей и Митей...